

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ. истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, редакционно-издательское оформление), 1989 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboïnikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST'S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE ‘POLITICS’ OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS’ PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN'S CULT AND THE ‘SOVIET FOLKLORE’	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

РАЗМЫШЛЕНИЯ
О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ”*

С.Л. Прошло уже 15 лет с момента опубликования в “Анналах” статей, возвещавших о критическом повороте (*tournant critique*), знаменовавшем изменение исследовательской стратегии “Анналов”, что нашло отражение и в смене его названия**. Возможно, наступило время оглянуться назад. Какие новые тенденции исторического исследования, которым “Анналы” дали толчок, реализуются ныне? Какие новые методы были разработаны? В общем, какие наиболее заметные изменения произошли с тех пор в исторической науке? Не казались ли историки от так называемой галилеевской парадигмы?

Ж.-И. Г. Главный смысл “критического поворота”, объявленного “Анналами”, заключался в следующем: журнал серьезно воспринял на свой счет то, что обычно называется “прагматическим поворотом” в социальных науках. Проще говоря, “прагматический поворот” свидетельствует о стремлении понять, как реально, конкретно происходят события в истории, т.е. изучить по-настоящему те процессы, которые исподволь приводят к возникновению социальных феноменов, нами наблюдаемым. До некоторой степени речь идет о том, чтобы более не заниматься только описанием социального, и также интересоваться тем, как происходит его формирование, имея в виду, что корректное описание общества возможно лишь в том случае, если мы рассматриваем способ, которым оно постоянно конституирует само себя. Центральная идея заключается в том, что мы сможем понять социальные идентичности или социальные связи внутри общества, если будем исходить не только из его внешнего или теоретического анализа (как, например, в марксизме), но из исследования его практик (*usages*). Примером этого нового “прагматического” способа рассмотрения социального является, скажем, микроистория, но есть и много других примеров, например, изучение биографий, социальных траекторий или все те исследования, которые обычно связывают с “прагматической социологией” (представленной именами Л. Больтански и Л. Тевено). “Анналы” в равной степени интересовались всеми этими направлениями, и на страницах журнала были опубликованы многие исследования такого рода. Это не микроистория в строгом смысле слова, но всегда речь идет о том, чтобы попытаться понять, как реально все происходит. В более общем

* Здесь мы публикуем интервью с одним из руководителей нынешней редакции “Анналов” Жан-Ивом Греньё. Вопросы были сформулированы С.И. Лучицкой.

** До 1989 г. журнал назывался “Annales. Economies. Sociétés. Civilisations”. С 1989 г. он носит название “Annales: Histoire. Sciences Sociales”.

представители “критического поворота”, с его ярко выраженным прагматическим аспектом, стремятся к тому, чтобы понять, как в критических обстоятельствах “актеры” принимают решения, – или иначе говоря, – как они его принимают, учитывая огромное число разнородных параметров, которыми каждый индивид должен или иным способом овладеть. А это в свою очередь зависит как от изучения совокупности контекстов, в которые вписан “актер”, так и от его собственного “умственного инструментария”. Я нарочито использую это выражение – “умственный инструментарий”, чтобы подчеркнуть, что линия преемственности между творчеством Робена Февра (который ввел это понятие в своей великой книге о вере и проблеме неверия в XVI в.) и “Анналами” не прерывается, несмотря на изменения парадигмы. И этот подход радикально отличается, например, от того, который применяют экономисты, пытающиеся описывать при помощи математических правил способы поведения людей в обществе. Речь, таким образом, идет о том, чтобы понять то, что называется “ситуативным” поведением, т.е. поведением, всегда связанным с определенным контекстом, в который вписан “актер”: имеется в виду внешний контекст (социальный, интеллектуальный, эмоциональный и т.д.) и внутренний контекст (происхождение, образование и т.д.).

С. Л. Вкладываете ли Вы такой же смысл в понятия “прагматический поворот”. Это в том же направлении?

Ж.-И. Г. Именно так. Это “критический поворот” в двух смыслах: критический по отношению к предшествующим способам исследования (в частности, представленным “Анналами”) и критический по отношению к тому инструментарю, который до сих пор историками очень часто использовали механически, при этом часто забывая о условиях его применения и о пределах его возможностей (таково, например, понятие “социального класса” или “социального значения” какого-либо явления, выводимое из используемых в количественной истории статистических данных). Вот почему дух “критического поворота” состоит преимущественно в том, чтобы поставить в центр исторического анализа “актера”. Точнее, здесь необходимо подчеркнуть, – и это второй важный аспект, – что речь не идет о том, чтобы вернуться к индивиду, дабы угодить индивидуалистической идеологии, которая поглотила многие современные общества, или о том, чтобы стремиться к самовыражению в области методологии (эта тенденция проявляется сегодня в целом ряде дисциплин – например, в экономике), или же о том, чтобы удовлетворить подспудный интерес историков к биографии. Цель “критического поворота” заключается вовсе не в том, чтобы интересоваться сугубо локальными ситуациями, но в том, чтобы на основании логик “актеров” реконструировать коллективные социальные феномены. И вот именно это

обстоятельство, – то, что мы настаиваем на том, чтобы обнаружить это коллективное в конце анализа, – быть может, и отличает нас более всего от представителей микроистории.

Отсюда понятие "игры масштабов", разработанное Жаком Леви-Строссом¹, который исходит из следующего принципа: чтобы понять социальный феномен, необходимо проанализировать его в разных масштабах. Вся трудность метода заключается в попытке синтеза этих разных взглядов, в осознании тех преимуществ, которые дает каждый масштаб анализа. Впрочем, "Анналы" до сих пор твердо верят в возможность разработать концепты или рабочие гипотезы. Речь пойдет о том, чтобы испытывать эффективность этих гипотез на основе хорошо документированных случаев. Иначе говоря, в отличие от микроисториков, которые полагают, что рабочие гипотезы выстраиваются на основе плотного и точного описания предмета, речь идет о том, чтобы допустить, что историк, как и специалист по естественным наукам, никогда не сможет подступиться к реальности, не имея в голове более или менее ясно вырисовывающейся гипотезы.

С. Л. Вы упомянули микроисторию. Как Вы оцениваете это направление? Не этот ли интеллектуальный подход открывает наиболее многообещающие перспективы для исторической науки? Каковы пределы возможностей этого подхода?

Ж.-И. Г. "Анналы" всегда были открыты микроистории. Ею интересуются, мы читаем труды историков этого направления, и вовсе не случайно, что Жак Ревель, который давно играет важную роль в "Анналах", является автором предисловия к книге Джованни Леви "Нематериальное наследие", этого весьма эмблематичного для микроистории труда. Таким образом, существует реальный интерес к микроистории, поскольку мы прекрасно видим, какие результаты она дает – я имею в виду все то, что нельзя было делать раньше, и что микроистория позволяет ныне изучать. Однако мы относимся к ней критически, точнее говоря, мы относимся критически к понятию масштаба анализа. Наиболее радикальные микроисторические считают, что микроанализ позволяет реконструировать всю совокупность исторических логик. Мы не разделяем идею исключительного превосходства микроанализа. Мы считаем, что, конечно же, он все-таки производит некую микроисторическую логику, которую необходимо понять, но мы полагаем, что есть также макроисторические логики и что понимание макро-уровня частично не зависит от понимания микро-уровня. Невозможно реконструировать всю целостность общества посредством микроанализа, необходимы в равной степени различные уровни анализа.

С. Л. Т.е. Вы считаете, что не существует методологического разрыва с традицией макроистории?

★ П. Г. Вот именно.

С. Л. Микроисторические исследования касаются по преимуществу Новой истории. Известны ли Вам примеры подобных исследований в медиевистике?

Такие исследования встречаются реже. Причина тому среди прочих заключается в том, что микроистория предъявляет очень высокие требования к источникам: ведь для того, чтобы изучать индивида на всех уровнях его деятельности, необходимо мобилизовать разнообразные источники, содержащие очень плотную информацию. Потому было бы чрезвычайно трудно осуществить применительно к Средневековью исследование, подобное тому, какое осуществил Джованни Леви на примере деревни в Пьемонте. Даже во Франции, где ситуация со средневековыми источниками, благодаря разнообразию, представляется достаточно благоприятной, невозможно было бы так уж просто проводить подобные исследования. Это одна из причин, – разумеется, не единственная, – которая объясняет почему микроистория практикуется прежде всего в Италии. Если касается французской медиевистики, то можно сослаться на книгу Ги Буа², в которой автор на основе анализа бургундской деревни разрабатывает модель перехода Европы от социальной системы вышедшей из античности, к средневековой системе, порожденной “феодалной революцией”.

С. Л. Как Вы оцениваете состояние исследований в области исторической антропологии? Насколько изменилось это направление? В нашем научном сообществе иногда раздаются голоса о том, что это направление находится в состоянии глубокого кризиса и что основные парадигмы поставлены под вопрос. Нужно ли хоронить историческую антропологию? Не является ли этот подход ныне устаревшим?

Ж.-И. Г. Было бы серьезной ошибкой хоронить историческую антропологию. Она пережила свой славный период, когда она занимала, бесспорно, центральное место в исторических исследованиях. Этот период закончился, это понятно. Вместе с тем, как мне кажется, весьма характерно, что уроки исторической антропологии были одновременно настолько важны и настолько хорошо восприняты, – почти без всякого сопротивления, в отличие, например, от микроистории, – что до некоторой степени сегодня, какой бы период мы ни изучали (не только период Средневековья или Новой истории), уже невозможно вести историческое исследование не вооружившись подходом, который бы не вдохновлялся или не был в какой-то мере связан с исторической антропологией. Успех исторической антропологии был настолько велик, что мы все сегодня до некоторой степени являемся ее адептами, даже если само содержание этого понятия значительно расширилось. “Анналы” пре-

красно свидетельствуют об этой эволюции: ведь большая часть статей, публикуемых в этом журнале, в той или иной степени висит от исторической антропологии. Таким образом, нельзя сказать, что она умерла, что она более не существует, но – она больше не существует, поскольку она присутствует везде. Вот пример. Экономическая история, серийная или количественная, долгое время занимала господствующие позиции, вплоть до 1970-х годов, особенно во Франции. То была добротная макроэкономическая история, благодаря которой мы многое узнали о функционировании экономики Нового и Новейшего времени. Она строго критиковалась, поскольку во многом опиралась на достаточно элементарный принцип каузальности и несколько наивно оперировала статистическими данными, не отдавая себе отчета в том, что используемые историком цифры являются социальными конструктами, которые требуют большой осторожности при обращении с ними; кроме того, макроэкономическая история забывала об "актере" и о своей собственной инициативе.

Что ныне делается в области экономической истории? Очень разные вещи, но самое интересное, как мне кажется, это экономическая история, имеющая антропологическое измерение, то, что можно было бы определить как экономическую историческую антропологию. Приведу пример – один из лучших трудов по экономической истории, написанных в последние 20 лет по-французски – это книга Жан-Пьера Ирша о торговле в Лилле между концом XVIII и началом XIX в.³ В этой книге по экономической истории автор пытается решить проблемы историко-антропологического характера, с его точки зрения невозможно понять экономические явления, даже капиталистической эпохи, не уяснив при этом роль семьи, способы функционирования экономических систем или природу экономических представлений (касающихся понятий труда, честности в деловых отношениях, сбережений), – в общем, не уяснив целый ряд характеристик, которыми издавна пренебрегают как факторами экономической истории, но которые тем не менее весьма существенны. Однако, как мне кажется, очевидно, что книга Ирша не была бы возможной без исторической антропологии. Действительно, крупные классические проблемы исторической антропологии 70–80-х годов XX в., касающиеся смерти, структур родства, болезни, сегодня более не являются предметом пристального внимания, даже если им и посвящают очень интересные исследования. Но другие проблемы оказались преемственно связаны с этой тематикой. Приведу всего лишь один пример – это работы по истории войн в XX в. Историография, с давних пор причисляемая к дисциплинам исторической и политической истории, существенно изменилась благодаря трудам, вдохновленным исторической антропологией.

мышления о военном насилии таких ученых, как Георг Мосс в США или Стефан Одуэн-Рузо во Франции, оказались очень важны, так они радикально преобразовали подходы историков к изучению войны.

М. Вот уже 15 лет историки размышляют над “кризисом истории”. Какой смысл Вы вкладываете в понятие “кризиса”? Не охватили сегодня историческая наука некоей “лихорадкой” новаций? Каковы симптомы современного кризиса? Какие классические парадигмы, в которые вписывались аналитические исследования социального, находятся сегодня в кризисе?

Ж.-И. Г. Вот уже 25 лет я занимаюсь историей, и я все время думаю, что история в кризисе. У меня создается такое ощущение, что кризис есть некое постоянное состояние исторической дисциплины. Сомнения и скепсис, к счастью, постоянны, и хорошо, что историки задаются вопросом относительно парадигм своей науки. Исключение представляет, быть может, состояние эпистемологической уверенности, когда, как, например, в 70-е годы XX в. Эммануэль Леви-Ладюри объяснял, что историк, вооруженный компьютером и серийным подходом, наконец-то стал настоящим ученым. Но не будем доверять ретроспективным упрощениям, так как книга Поля Вина “Как пишут историю”, опубликованная в 1971 г., показывает, что наше представление о тогдашней уверенности в способах исторического писания весьма относительно. Тем не менее, если я отказываюсь видеть кризиса (Книга Жерара Нуареля “Кризис истории”. Париж, 1996) с этой точки зрения весьма значима, так как ее автор пытается обнаружить состояние кризиса в современной историографии, называя “кризисом” то, что является обычным спором внутри научного сообщества), я констатирую, что начиная с 80-х годов дебаты о том, что такое хорошая история, не прекращаются. Историки высказывают сомнение в каузальной истории, истории детерминистической, предпочитают макроисторические подходы в противоположность микроисторическим, когда в центре рефлексии оказываются характер и неопределенность его выбора, – обсуждение всех этих вопросов вызывало множество непростых споров. Я также думаю, что интернационализация исторических исследований способствовала более широкому обмену между различными школами и разными способами осмысления истории. Этот обмен чрезвычайно благоприятен, но он также способствует постоянному кризису. В этом контексте, я думаю, *Анналы* могут играть важную роль. Привилегия, но также обязанность крупного журнала заключается в том, чтобы обозначить важную проблематику, например, понятие прагматической парадигмы. “*Анналы*” не единственный журнал, который мог бы выполнять такую функцию. Например, крупный итальянский журнал “*Quaderni Storici*”, делал это на практике и в теории еще за-

долго до "Анналов". Заклячая обсуждение этой темы, я бы хотел в порядке провокации сказать, что не следует желать конца "кризиса истории", так как было бы совершенно бессмысленно говорить о стабильных, не поддающихся изменениям парадигмах, или же утверждать, что есть какой-то единственный способ историописания. Историк, как и исторический индивид, ревниво относится к своей свободе и своей независимости!

С. Л. Но есть другая проблема того же плана. Каковы взаимоотношения между эпистемологической рефлексией и конкретным эмпирическим исследованием? Концепции создаются, но в какой мере они реализуются? Есть немало историков, которые только и делают, что неустанно размышляют над эпистемологией; существует нечто вроде спора между "номиналистами" и "реалистами", но каждая теория должна оправдать свое существование в конкретном исследовании, не так ли? Могли бы Вы дать примеры таких исследований?

Ж.-И. Г. Вообще эпистемологическая рефлексия часто никак не отражается в конкретных исследованиях. Математики не читают труды по философии математики (как бы ни были они увлекательны), для того чтобы узнать, как заниматься математикой. И так обстоит дело во всех науках, в том числе в исторической. Вот пример. Я думаю, что Поль Рикер является сегодня одним из лучших эпистемологов вообще и самым лучшим эпистемологом истории. Это совершенно исключительный философ, потому что, в отличие от большинства других философов, он действительно читает труды историков. И потому он размышляет об истории не просто как о некоем философском концепте, но как об интеллектуальной практике. Поскольку он долгое время преподавал в США, в Чикагском университете, он следит за развитием обеих историографий, французской и американской, и это производит особое впечатление на историков. Многие из них читали Поля Рикера, и он, конечно же, является наиболее известным в их среде философом. Недавно он опубликовал статью в *Анналах*⁴. Однако если исследования Поля Рикера, бесспорно, помогают историкам понять его интересы в области истории (в частности, он настойчиво доказывает, что история относится к жанру рассказа, и цель ее отнюдь не заключается в создании моделей) тем не менее это несколько не влияет на их способы историописания, на их методы и практики исторического исследования. Если жанр рассказа и является с некоторых пор предметом увлечения некоторых историков, не следует видеть в этом влияние трудов Поля Рикера, которые в лучшем случае сопутствовали этому движению. Это было скорее следствием критики каузальной истории, слишком абстрактной и склонной к созданию глобальных моделей, истории, доминировавшей вплоть до 1970-х годов, в частности, и

у господства серийной истории. С другой стороны, некоторые философы обратились к серьезным эпистемологическим размышлениям, которые воплотились в исторических трудах. И потому их исследования могли действительно способствовать изменению исторической проблематики. Вот всего лишь один пример: Мишель Фуко. Философ, который занимается историей, и его манера историописания является непосредственным порождением его эпистемологической рефлексии. Я не думаю, что он мог бы стать таким историком, каким он был, если бы он не был одновременно философом. Промышленность историков с трудами М. Фуко, несмотря ни на что, в определенной степени отразилось на их исследованиях. Иногда воздействие идей было даже чрезмерным, поскольку его идеи часто использовались в идеологических целях, но его влияние на историческую рефлексию весьма существенно.

В. Л. Каким образом прагматическая парадигма реализуется в исторических исследованиях?

Ж.-И. Г. Можно было бы привести много примеров. Определенное число работ такого рода были собраны в книге “За иную социальную историю. Формы опыта” – коллективном труде, созданном усилиями близкими школе “Анналов” с целью проиллюстрировать, например, “прагматическую парадигму” в истории. Я приведу также другой пример, своеобразный, но очень интересный. В течение последних 15 лет историки вновь открыли для себя историю права, и их новый подход к ней вписывается как раз в прагматическую парадигму. До сих пор историей права занимались историки права, которые описывали преемственность законов, юридических принципов и правил. Их труды редко читали историки, которые полагали, что эта область исторических знаний не связана с жизнью человека. С их точки зрения разрыв между юридической реальностью и исторической реальностью был слишком велик. “Прагматический поворот” сыграл очень важную роль, так как он побудил историков изучать конкретное содержание процессов, практику применения приговоров и принципов права, они стали обращать внимание на то, как эти принципы реально осуществлялись и какое реальное влияние право оказывало на деятельность людей и их повседневную жизнь. Таким образом, ныне историка интересует не столько право как некий вид кодификации, а взаимоотношения между практикой и нормой или между юридическим текстом и его интерпретациями. Практика и способы использования права “актерами” (индивидуальными) интересуют историков намного больше, чем правовая форма сама по себе. Подчеркнем также важное в контексте прагматической перспективы значение рефлексии о том, как люди достигают согласия (accord) между собой, в данном случае путем обсуждения судебного правила. Интерес к такому подходу был едва заметен

в предшествующей историографии, которая больше интересна темой власти и конфликтов общества с властью, чем различными формами согласия между индивидами внутри общества. Эти новые вопросы во многом изменили способы историописания.

Другой пример новых подходов к праву – работы о ростовщичестве. В средневековой Франции и Франции Старого порядка существовал канонический запрет на ростовщичество (см. на эту тему прекрасную книгу Жака Ле Гоффа⁵. Чтобы оживить экономику, королевские предписания легализуют заем при определенных условиях: в частности, в тех случаях, когда взимаются максимальные проценты (так называемый легальный денье). Однако эти правила слишком ограничивают свободу, и их постоянно стремятся обойти. Что предпринимают люди в конкретной практике, чтобы осуществить кредитные операции, каким образом строятся их отношения с законом и как они соблюдают религиозные запреты, как в этом контексте развивается экономика обмена, очень близкая капиталистической? Вот еще один пример применения подходов прагматической истории.

С. Л. В какой мере постмодернистская критика – я понимаю, что у нас нет строгого определения постмодернизма, и что понятие “лингвистический поворот” обнимает все работы, которые как-то внимание уделяют вопросам языка – но тем не менее в какой степени постмодернизм потряс основания исторической науки? Как Вы оцениваете роль этого интеллектуального течения в развитии исторической науки? Что это: буря в стакане воды или серьезные вызовы исторической науке? Производит ли постмодернистская критика зловещее впечатление на историков? Какие уроки могут извлечь, и должны извлечь, историки из постмодернизма? Проблематизировала ли постмодернистская критика историческое знание, изменила ли статус исторического источника? В недавно опубликованной статье “Факты и фикции” Отто Герхард Эксле историзировал вопросы, поставленные постмодернистами (в частности, вопросы о соотношении истории и реальности). Он показал, что этот спор нов. Являются ли действительно новыми проблемы, поставленные постмодернистами, означает ли их критика решительный разрыв с предшествующей эпистемологической традицией, с теорией исторического познания?

Ж.-И. Г. Прежде всего я полагаю, что историческая наука является дисциплиной, которая меньше всего восприимчива если не в моде, это конечно, пейоративный термин, то во всяком случае к интеллектуальным переменам. Конечно, во Франции структурализм, например, оказал значительное влияние на всю систему социальных наук, в частности на антропологию, лингвистику и семиотику. В какой-то степени он повлиял на ремесло историка. Не забудем, что

мент *longue durée*, разработанный Ф. Броделем в 1958 г., в какой-то степени является ответом Леви-Строссу, предложившему в том году в своей “Структурной антропологии” концепт структуры. Структурный вариант структуры, невосприимчивой к течению времени. Бродель предпочитал *longue durée*, подход глубоко историчный, так *longue durée* признает изменения, конечно же, очень длительные, и мыслимые лишь в рамках более глобальной рефлексии о системе исторических темпоральностей (и в частности, в рамках броделевской темпоральности выделяют время короткое, среднее и длительное). Я полагаю, что со временем то же самое произойдет с постмодернистской критикой, которая будет смягчена и адаптирована к требованиям исторической науки. Историки оставят в стороне ее самые радикальные аспекты, в частности утверждение некоторых адептов лингвистического поворота о том, что существует радикальный разрыв между языком и социальным опытом, что язык не отражает историческую действительность и что он во многом автономен; напротив, они извлекут пользу из постмодернистской рефлексии о взаимосвязи между культурой и политикой и о необходимости отказа от принципа автоматической связи между материальными условиями жизни индивидов и их верованиями. Точно также очень спорным является их утверждение, что идентичности являются лишь следствием дискурсов. Необходимо задаться вопросом о роли влияний дискурсов в конституировании идентичностей, в частности расовых и сексуальных, а это два главных сюжета постмодернистской критики. Делая соответствующую выборку из этой критики, историк, как мне кажется, сможет в будущем избежать самых негативных и деструктивных, и равным образом самых поверхностных и преходящих последствий постмодернизма. Напротив, я полагаю, что обнаружатся и позитивные следствия, так как постмодернистская критика обязывает историка использовать более конструктивный и критический подход к анализу источников. Отныне будет осознано, что текст может иметь самые разные эпистемологические статусы и что надо учитывать, – я говорю это очень осторожно, – возможную частичную языковую автономность. Мы еще стоим в начале этой критической работы, и как мне кажется, расширительные историки еще не представляют себе отчетливо, какие конкретные уроки можно будет извлечь из *linguistic turn*, особенно во Франции, так как “лингвистический поворот” не оказал там пока сколько-нибудь серьезного воздействия. По правде говоря, труды написанные под влиянием “лингвистического поворота” еще пока, с моей точки зрения, не очень убедительны. Бесспорно, постмодернисты поставили на подлинную проблему, воспринять которую мешала историкам определенная позитивистская установка, унаследованная как от немецкой эрудиции, так и от французского позитивизма конца

XIX в., в соответствии с которой отношение историка к письменному тексту толкуется несколько наивно. Но я полагаю, что ответ, который дает постмодернистская критика, слишком крайний и в то же время наивный, не может нас удовлетворить.

С. Л. И все же можно ли говорить о том, что постмодернистская критика проблематизировала статус исторического источника?

Ж.-И. Г. В какой-то мере да, так как гипотеза о том, что существует разрыв между текстом и реальностью, придает письменному источнику новый статус. Но это еще очень неопределенный статус. Постановка проблемы разрыва между исторической и социальными реальностями и текстом ничего не говорит об условиях возникновения и логики создания последнего. Относительно этих двух аспектов адепты "лингвистического поворота" не очень ясно высказываются. Однако этот разрыв вызывает большую тревогу историков, так как из этого явствует, что существующий до сих пор способ исторического суждения оказывается невозможным. Если адепты "лингвистического поворота" и вправе разоблачать идею, согласно которой письменный текст без всякого разрыва (*hiatus*) передает социальную реальность, которую, как считается, он отражает, то они ошибаются, как мне кажется, когда утверждают (во всяком случае такова крайняя версия постмодернизма), что социальное и социальные группы являются конечным итогом всего лишь дискурсивными реальностями. Если в рамках сосюрговской лингвистики необходимо признать, что текст включается в множество контекстов высказывания и что невозможно вывести контекст из текста, то было бы ошибкой заключать из этого, что текст ничего не говорит о реальностях, о которых он сообщает. Если смотреть на вещи оптимистично, то дебаты вокруг лингвистического поворота имеют, тем не менее, и свои достоинства. Прежде всего потому, что они напоминают о самых существенных принципах критики текста, о которых историки подчас могли забывать. Кроме того, постмодернисты также критикуют старинный недостаток социальных наук, имеющих тенденцию создавать ложные единицы анализа. Наконец, поскольку они указывают на истинную проблему, которая (и это надо признать) не была в достаточной степени осознана и учтена историками, проблему множественности контекстов высказываний, они также подчеркивают трудность понимания языковой изобретательности, приводящей к тому, что отношение между текстом и реальностью оказывается намного более сложным, чем мы думали ранее. Это существенная проблема, которая побуждает к работе! Но я думаю, что только через 20–30 лет мы обнаружим благотворное воздействие постмодернизма. И я полагаю, что крупные работы в этом ключе еще не написаны.

С. Л. Начиная с 30-х годов "Анналы" ратуют за междисциплинарность. Они неустанно убеждают историков в важности такой

тогда. Эти идеи разработаны в статьях “Критический поворот” и “Будущим эксперимент” в “Анналах”. Насколько по-новому осмыслен сегодня историки проблему междисциплинарности? Какие новые альянсы может заключить история с соседними дисциплинами? Сопровождалось ли стремление к снятию перегородок между дисциплинами процессом междисциплинарного синтеза, объединения дисциплин?

А. И. Г. Это очень сложные вопросы. Скажу вкратце, что вся работа, которую вели “Анналы” в 60–70-е годы, имела то или иное отношение к междисциплинарности, вдохновившей историческую антропологию в 30-е годы, когда “Анналы” были представлены работами Марка Блока и Люсьена Февра или в 60–70-е годы когда во главе “Анналов” стояли Жак Ле Гофф, Жорж Дюби или Жан-Пьер Ришар. Умножились пути пересечения истории с разными дисциплинами (конечно же, с антропологией, но также и с экономикой, лингвистикой – благодаря трудам Поля Вейна, с лингвистикой и пр.) Эти исследования способствовали снятию перегородок между социальными науками, и я полагаю, что междисциплинарность следует представлять себе именно таким образом, как множество различных местных “клонирований”. Речь идет скорее о том, чтобы установить отдельные хорошо очерченные связи между разными дисциплинами, изучающими точно определенный предмет, чем о том, чтобы иметь в виду некую общую интегрирующую дисциплину на сверх той, о создании которой несколько наивно мечтали некоторые специалисты по социальным наукам в 70-е годы, когда они считали возможным существование некоей глобальной дисциплины, интегрирующей все социальные науки, по образцу исследований девиции Плезеве в Бретани (то был международный проект, авторы которого пытались осуществить тотальный анализ безымянной девиции, умножая применение различных подходов⁶). Сегодня мы знаем, что подобный способ исследования не работает. Не существует ничего общего для всех социальных наук языка, и их простое переупаковка подчас лишено смысла. Междисциплинарные подходы являются эффективными тогда, когда они точны и в то же время выстраиваются вокруг какой-то главной дисциплины. Историческая антропология, выстраиваемая вокруг истории, является хорошим примером постоянно развивающейся междисциплинарности. На сегодняшний день историческая антропология являет собой настоящую систему микромеждисциплинарностей (я имею в виду диалог истории и экономики, психологии, социологии...). Впрочем, одно из парадоксальных последствий структурализма и его радикального отказа от истории заключается в том, что постструктурализм, напротив, в центр рефлексии социальных наук поместил время и изменения. Таким образом, постструктуралисты открыли для себя исто-

рию, и сегодня, более или менее четко, каждая дисциплина осознает, что фактор времени имеет огромное значение. Занятия экономической историей позволили экономистам осознать, что время является тем важным параметром, с которым надо считаться: понятие *path*, разработанное американским историком Полем Дэвидом, позволило показать, что всякая экономическая конфигурация зависит не только от типа рациональности "актеров", но и от истории, т.е. пути (*path*), пройденном экономической системой. Подобным же образом антропологи открыли, что примитивные племена, которые они изучали, также имеют свою историю и что важно уяснить их отношение ко времени и к прошлому, т.е. их "режим исторической рефлексии". Многие из современных антропологических исследований настаивают на необходимости изучать именно историю этих племен. Примеров можно приводить много, но самый интересный это пример самого Леви-Стросса, который переосмыслил свой знаменитый тезис о различиях между холодными и горячими обществами (вкратце и весьма упрощенно тезис таков: холодные общества изучаемые антропологами, позволяют воспринимать антропологические структуры; горячие, изучаемые историками, не позволяют понять эти структуры, поскольку последние подвержены всяческим пертурбациям и брожениям, связанным с происходящими в них событиями), настаивая на том, что этот тезис вовсе не означает, что холодные общества не имеют истории. Режим исторической рефлексии у каждого общества свой, как об этом недавно напомнил Ф. Артог⁷, но всякое общество зависит от своего прошлого и от своих с ним отношений. Можно заметить и обратное течение: ссылки историков на труды крупных антропологов становятся неизбежными. Таков Клиффорд Гирц, труды которого очень внимательно читали историки, занимавшиеся микроисторией. Его подходы к "плотной" истории, основанные на методе антропологии или его методе интерпретации культур сыграли значительную роль для развития рефлексии историков: для осмысления ими своих источников, для преодоления традиционного историописания в рамках каузальности. Можно было бы то же самое сказать о социологии, которая оказывает определенное влияние на такие важные разделы гуманитарных наук как история наук, ныне в большой степени вдохновляемая новой социологией наук⁸, или об истории искусства, которая отвернулась от традиционного иконографического анализа и демонстрирует, как художественное творчество должно быть прежде всего рассмотрено в социологической перспективе⁹. Эта разработка общих проблематики является всём доказательством существования междисциплинарности, даже если всякий раз она осуществляется в рамках ограниченного междисциплинарного проекта¹⁰. Таким образом, я полагаю, что историки никогда не уделяли столь большое внимание

• дисциплинарному подходу, даже если он еще скромно заявляет
• в их исследованиях, и что они никогда так не стремились к ус-
• шно разработанных за пределами их собственной дисциплины
• нгов. Для меня один из симптомов этого интереса в том, что я
• ту вокруг себя все больше коллег-историков, которые читают
• ни по другим дисциплинам и постепенно осваивают определен-
• ку культуру социальных наук, что было раньше редкостью. Но мы
• ни от каких-то фантазмов междисциплинарности, на манер ис-
• бований Плозеве или от мечтаний о единой науке о человеке, ка-
• она виделась Броделю в 50-е годы.

Levet J. Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience. P., 1996.

Leuz G. La mutation de l'an mil. Lournand, village mâconnais de l'Antiquité au
• ocalisme. P., 1989.

Morsch J.-P. Les deux rêves du commerce. Entreprise et institution dans la région
• loise (1780–1860). P., 1993.

Винокур P. L'écriture de l'histoire et la représentation du passé // *Annales H.S.S.*
• 2000. N 4. P. 731–747. См. пер. ст. в сб.: *Анналы на рубеже веков: антология*.
• логия. М., 2002. С. 23–42.

Goff J. La bourse et la vie. Economie et religion au Moyen-Âge P., 1986.

Marquière A. Bretons de Plozévet. P., 1975.

• м: *Hartog F.* Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps.
• 2003. См. также его ст. в сб. “Анналы на рубеже веков: антология”
• 147–169).

• м: досье “Histoire et sociologie des sciences” журнала: *Annales: H.S.S.* P.,
• 1995. N 3.

• м: специальный номер: *Annales: H.S.S.* P., 1993. N 6 (“Les mondes de l'art”).

Levet J. Propositions pour une pratique restreinte de l'interdisciplinarité //
• nnects de croquis. Sur la connaissance historique. P., 1999.

Публ. и пер. с франц. С.И. Лучицкой